

Глава II

Франция и Конвент в 1795 году

1. Политическая ситуация во Франции после 9 термидора

Подробный анализ событий, происходивших начиная с лета 1794 года, когда Конвент выступил против Робеспьера и его соратников, и до весны 1795 года, когда вопрос о необходимости конституционной реформы начал переводиться в практическую плоскость, можно найти в блестящей монографии Б. Бачко «Как выйти из Террора», автор которой рассматривает все основные направления (и связанные с ними проблемы), по которым происходила трансформация политического режима, унаследованного термидорианцами от монтаньяров. Отсылая заинтересованного читателя к этой монографии, позволю себе ограничиться лишь кратким перечислением ряда фактов¹, необходимых для того, чтобы приступить непосредственно к теме моего исследования.

Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие у термидорианцев единого заранее разработанного плана проведения реформ. После переворота были практически лишь обновлены Комитеты и изгнаны из Конвента наиболее активные депутаты-робеспьеристы, по большей части казненные уже 10 термидора. Не случайно, многие современники отмечают, что, собственно, лето 1794 года принесло с собой минимальное количество пертурбаций. «Правительство совершенно не изменило свою форму, – вспоминал позднее граф д'Аллонвиль, – Барер, Бийо-Варенн оставались в Комитете общественного спасения, и Фукье-Тенвиль еще был жив»².

---

¹ Частично об этом уже шла речь в предыдущей главе, когда политика термидорианского Конвента сравнивалась с тем, что было сделано при монтаньярах.

² *Allonville A.F. Mémoires secrets de 1770 à 1830 par M. le comte d'Allonville. P., 1841. Vol. 3. P. 316.*

Первые шаги новой власти (если ее можно так назвать, поскольку формально структура власти – Конвент и его комитеты – оставалась прежней) касались, прежде всего, трех проблем.

Первая из них – не допустить сосредоточение всех полномочий в руках одного лица или какого-либо коллегиального органа. Так, 11 термидора (29 июля) декретируется обязательное ежемесячное обновление на четверть правительственных Комитетов (с запрещением для выбывших вновь занимать свои должности раньше чем через месяц). 7 фрюктидора (24 августа) система исполнительной власти перестраивается, и Комитет общественного спасения оказывается существенно ограничен в своих правах.

Вторая проблема – Террор. Уже 14 термидора (1 августа) отменен закон от 22 прериала, арестован Фукье-Тенвиль, упразднен Революционный трибунал (который, впрочем, через 10 дней был возрожден и реорганизован). В начале августа распахиваются двери тюрем, чтобы выпустить пострадавших при монтаньярах (что, разумеется, не помешало им оставаться закрытыми для противников нового режима).

Третья проблема – парижские секции. Уже в 20-х числах августа отменено пособие парижским санкюлотам за посещение заседаний секций, упразднены революционные комитеты, а 48 парижских секций перегруппированы в 12 округов.

Таким образом, первые перемены касаются лишь политической сферы. Одновременно начинается долгий процесс изменения состава Конвента, длившийся практически до самого конца его существования: выводятся депутаты, в наибольшей степени скомпрометировавшие себя при Терроре в глазах общественного мнения¹. При этом в Конвент после 9 термидора вернулись две большие группы депутатов: по меньшей мере 78 человек, которые были реинтегрированы 18 фримера (7 декабря 1794 года), и жирондисты, вернувшиеся 18 вантоза (9 марта 1795 года) – еще 18 депутатов².

---

¹ Например, Каррье, чей процесс начался в Революционном трибунале 3 фримера (23 ноября). В марте следующего года за ним последовали Барер, Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа.

² *Surratteau J.-R.* Les élections de l'an IV // AHRF. 1951. № 4. P. 389-390.

В то же время, экономические декреты диктатуры монтаньяров были пересмотрены отнюдь не сразу. Так, например, только 4 нивоза III года (24 декабря 1794 года), то есть через пять месяцев после переворота, отменяется максимум. Немногим ранее, в октябре–ноябре, отказываются от монополии внешней торговли.

Таким образом, в течение второй половины 1794 года в стране происходят значительные изменения. Оказывается пройден путь от диктатуры монтаньяров до закрытия Якобинского клуба (21 брюмера (11 ноября)); от максимума до свободы торговли. Члены Конвента, наиболее влиятельные еще год назад, казнены; вновь обретают голос молчавшие или изгнанные после восстания 31 мая – 2 июня 1793 года депутаты.

Разумеется, изменения не исчерпывались одним только этим. Разительная перемена в нравах – больше нет необходимости соблюдать показную бедность и скрывать нажитое за годы Революции богатство. На улицах городов появляются нувориши и золотая молодежь. Усиливается инфляция. Прекращаются гонения против церкви, но в то же время она в середине сентября 1794 года отделяется от государства.

Однако продолжала действовать система временного революционного правительства, а значит, по крайней мере с точки зрения современников, Революция продолжалась. Освободившись от Робеспьера, страна так и не обрела долгожданной стабильности: репрессии в политике, развал в экономике – все осталось на своих местах. Ситуацию усугубляла тяжелая зима 1794/1795 годов.

В этих условиях и общественное мнение, и депутаты все чаще начинали видеть путь выхода из кризиса не в хаотичных и разрозненных мероприятиях, а в создании единой системы нового государственного устройства и в окончании Революции. Однако прежде чем перейти к анализу путей решения этих проблем, посмотрим, что же представлял из себя Конвент к 1795 году, и кто были те люди, которым предстояло обсудить и принять новую конституцию Франции.

2. «Фракции» или партии?

По отношению к термидорианскому Конвенту историографическая традиция (прежде всего, «якобинская») оказалась не менее сурова, нежели по отношению к Термидору в целом. И мнение Матьеза представляется здесь весьма характерным: «Отныне великий период Республики окончен. Личное соперничество берет верх над идеями; общественное спасение отходит на второй план или исчезает перед лицом частных интересов или пред злобой и страстями. Вместо политиков на сцену выходят политиканы. Все государственные деятели мертвы. Их преемники, с жадностью оспаривающие друг у друга власть, не способны организовать вокруг своих ничтожных личностей прочное большинство. Их минутные успехи не имеют будущего»¹. С этой точки зрения, неудивительно, что «варварство, коррупция, все пороки и все преступления собрались под его крышей»².

Не говоря уже о сомнительной «беспристрастности» подобных оценок, представляется любопытным, что советская, да и практически вся «якобинская» историография своим презрительным отношением к термидорианскому Конвенту парадоксальным образом продолжает не только и даже не столько революционную³, сколько контрреволюционную традицию. Ведь первые крайне негативные отзывы о Конвенте принадлежали именно роялистам: «За исключением пятидесяти человек, которые были честны и образованны, история не представляет ни единого верховного собрания, которое совмещало бы в себе столько пороков, столько гнусности и столько невежества»⁴.

При этом, однако, не учитывалось, что хотя Конвент и лишился ряда бесспорно выдающихся личностей и ораторов, в него вернулась едва ли не главная составляющая любого парламента – дискуссия.

---

¹ *Mathiez A.* La réaction thermidorienne. P. 3.

² *Prudhomme L.* Op. cit. Vol. 10. P. 399.

³ Так, например, Бабеф, который считался одним из первых коммунистов, как известно, приветствовал переворот 9 термидора.

⁴ *Брок, виконт де.* Французская революция в показаниях современников и мемуаров. СПб., 1892. С. 78.

Конвент вновь обрел голос. К тому же его трудно упрекнуть и в отсутствии настоящих личностей, пусть даже в предыдущие годы они находились на втором плане или, как говорил Сийес, «оставались живы». П.К.Ф. Дону, П.Ш.Л. Боден, Тибодо, Ларевельер-Лепо, Буасси д'Англа, Ланжюине пользовались большим авторитетом, высказывали интересные и глубокие мысли; им удавалось управлять обсуждением, которое часто казалось неуправляемым. Споры нет, продолжались репрессии и «чистки», диктатура наложила свой отпечаток на всех и, борясь с ней, депутаты нередко действовали ее же оружием. Но в Конвент вернулась свобода слова, которая во многом сделала возможной реальную политическую борьбу¹.

Однако и доминирующая в исторической литературе точка зрения, безусловно, небеспошвенна. Во многом ее истоки можно найти в мемуарах, в особенности, как уже говорилось выше, в мемуарах противников Конвента, не говоря уже о том, что на оценку его действий после 9 термидора не мог не падать ответ диктатуры монтаньяров². Так, по мнению Ш. Лакретеля-младшего, Конвент был испорчен именно якобинцами, поскольку «революционное красноречие, революционная администрация не требовали никаких знаний. С парламентским красноречием было покончено, и я не думаю, что даже какое-нибудь полуварварское племя когда-либо говорило столь монотонно и бессодержательно»³.

И, тем не менее, современники настойчиво пытались разобраться, что представлял из себя обновленный Конвент. Показательно в этом плане письмо известного и авторитетного публициста Ж. Малле дю Пана австрийскому императору, отправленное в

---

¹ Наивно, разумеется, пытаться заменить при описании Конвента черную краску на белую или полагать эту свободу слова полной или неограниченной, хотя бы потому, что продолжались расправы с политическими противниками.

² См., например, о 9 термидора: «Террористический Конвент испустил дух, истощенный собственными преступлениями и потопленный в собственной крови». *Noailles P., duc de. Anne-Paule-Dominique de Noailles, marquise de Montagu. P., 1889. P. 163.*

³ *Lacretelle C.J.D. (jeune). Précis historique de la Révolution française. Convention national. P., 1803. Vol. 2. P. 342.*

начале 1795 года, когда депутаты как раз приступали к работе над новой Конституцией. Он утверждал: «Во Франции нет иной власти, кроме Конвента; он объединяет все власти, которые в известных нам формах правления более или менее разделены. Это ужасное собрание представителей народа, сосредоточившее в своих руках все управление страной, представляет собой не более, чем соединение несвязанных друг с другом частей. В настоящее время нет, быть может, и десятка депутатов, которые разделяли бы единое мнение, были связаны какими-либо общими чувствами и проводили в жизнь единый план. Эта разобщенность является следствием взаимного недоверия людей, терзаемых зрелищем их собственной порочности, познавших, на что способен каждый из них; видящих врага в каждом коллеге и каждом приспешнике»¹.

Тем самым Малле дю Пан поднимал весьма важный вопрос: были ли в Конвенте в то время какие-либо более или менее четко оформленные группировки (или, как тогда говорили, «факции»²), подобные сошедшим с политической сцены жирондистам и монтаньярам, или Конвент, действительно, представлял собой конгломерат разрозненных индивидов? В мемуарах и историографии на сей счет высказывались весьма разные мнения.

Нарисованная Малле дю Паном картина всеобщей разобщенности не помешала ему же выделить в Конвенте три группы: якобинцы, умеренные (их ядро составляли 154 депутата, голосовавших против казни короля) и 74 депутата, исключенных после 31 мая (иными словами, те, кто был причислен к «жирондистам»). «Умеренные борются с роялистами вяло, а якобинцы – неистово»³, – добавляет он. Другой автор мемуаров находил в Конвенте конца весны 1795

---

¹ *Mallet du Pan J. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan pour servir à l'histoire de la Révolution française. P., 1851. Vol. 2. P. 114-115.*

² В русской традиции слово «*faction*» нередко переводится, как «фракция», что, однако, представляется мне не совсем верным. Под «фракцией» в то время подразумевали не просто партию, а партию оппозиционную существующему государственному устройству, плетущую заговоры для уничтожения общественного порядка. Впрочем, такое толкование более характерно для словарей революционной лексики, тогда как при Термидоре, разница между терминами «партия» и «фракция» нюансировалась далеко не всегда.

³ *Mallet du Pan J. Op. cit. Vol. 2. P. 117-126.*

года всего две «партии» – термидорианцев и монтаньяров, подчеркивая, однако, что реинтегрированные депутаты, термидорианцы и оставшиеся в живых монтаньяры – три группы, четко отделенные друг от друга¹.

Несколько по-иному виделась ситуация журналисту-эмигранту Ж.Г. Пелтье. В Конвенте, отмечал он, «умеренные республиканцы, во главе которых стоят Лежандр, Тальен, Фрерон и Андре Дюмон, больше заняты тем, чтобы продолжать приглядывать за террористами – их непосредственными врагами, нежели разрабатывать проекты конституции. Сегодня они не пользуются каким бы то ни было влиянием». Их противники – якобинцы – молчат с мая². Кроме «умеренных республиканцев» и якобинцев, Пелтье выделял еще две группировки. Это «партия бешеных (*enragé*) республиканцев, возглавляемых Сийесом, Лувэ и Шенье. Она хочет республику на свой манер». И так называемая «конституционная» партия под руководством Лакретеля, мадам де Сталь, Воблана³.

Небезынтересно и свидетельство Гюдена, друга Бомарше. Вернувшись после долгого отсутствия в Париж, он написал драматургу: «Нет более ни общества, ни общественного мнения, ни даже общественного интереса. В настоящее время все живет лишь духом партии, интересом факции, все, что вне факции – гибнет. Это плод, который должен был произрасти из системы отвратительных людей, каковыми были робеспьеры, кутоны, сен-жюсты и другие разбойники»⁴.

Очевидно, что даже эти четыре мнения с трудом сводятся к единому знаменателю. Перечисление же других «партий», упоминаемых современниками или мемуаристами, лишь еще больше усложняет картину, вместо того, чтобы ее прояснить. Это «партии» умеренных республиканцев⁵, «анархистов», республиканцев⁶, которую

---

¹ *Norvins J.M. de Montbreton, baron de. Op. cit. Vol. 1. P. 246, 273.*

² То есть после народного восстания в прериае III года.

³ Отметим, что все трое не были депутатами Конвента, хотя Пелтье это почему-то не оговаривает. *Peltier J.G. Op. cit. Vol. 1. № 5. 4.VII.95. P. 259-260.*

⁴ Цит. по: *Loménie L. de. Beaumarchais et son temps. P., 1873. Vol. 2. P. 489-490.*

⁵ *Cadiot M. Histoire chronologique de France depuis la première convocation des notables jusqu'en 1828. P., 1828. P. 666.*

⁶ *Larevellière-Lépeaux L. Op.cit. Vol. 1. P. 259.*

мадам де Сталь называет также обломком Жиронды¹, «террористов»², умеренных конституционалистов, «правая факция», «неистовая факция»³, «представители заграницы»⁴ (иными словами, роялисты), орлеанисты⁵, да еще какая-то не совсем понятная «третья партия» – ни роялисты, ни якобинцы⁶ (возможно, это та самая «мудрая партия», о которой писал Ларевельер-Лепо⁷). Трево, английский посол в Турине, даже называл цифры. По его подсчетам на 12 марта 1795 года, в Конвенте было около 100 якобинцев, около 150 «умеренных» (в основном друзей Дантона), около 200 «федералистов» и 200–230 независимых⁸.

При этом две партии упоминаются особенно часто. Во-первых, это партия умеренных⁹ – за прошедший год слово явно утратило отрицательную коннотацию, – определяемая чрезвычайно широко как партия противников крайних мер и якобинского насилия¹⁰. Скорее всего, это те, кого при якобинцах называли «болотом». А, во-вторых, партия тех, «кто внес свой вклад в день 9 термидора»¹¹. Тот же Ларевельер-Лепо уточняет даже, кто именно стоял во главе этой партии: Тальен, Фрерон, Лежандр, Баррас, Фуше. С любопытным добавлением – «остатки орлеанистской или дантонистской партии»¹², что, пожалуй, еще больше сбивает с толку.

---

¹ *Staël A.L.G. de. Considérations sur la Révolution française. P., 1983. P. 318.*

² *Dulaure J.A. Esquisses historiques des principaux événements de la Révolution française. P., 1826. Vol. 3. P. 2-3; Vol. 4. P. 11.*

³ *Le livre du centenaire du Journal des Débats. P., 1889. P. 18.*

⁴ *Levasseur R. Op.cit. P. 600.*

⁵ *Gallais J.P. Dix-huit fructidor; ses causes et ses effets. Hambourg, 1799. Vol. 1. P. 19.*

⁶ *Fain A.J.F. Manuscrit de l'an trois (1794-1795). P., 1828. P. 302.*

⁷ *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 203.*

⁸ *Historical Manuscripts commission. Vol. III. P. 85-86.*

⁹ *Gallais J.-P. Histoire de France... Vol. 1. P. 200; Thureau-Dangin P. Op. cit. P. 30.*

¹⁰ *Frey M. La transformation du vocabulaire français à l'époque de la Révolution. P., 1925. P. 153.*

¹¹ *Dulaure J.A. Op. cit. Vol. 4. P. 11; Fréron L.M.S. Mémoire historique sur la réaction royale, et sur les massacres du midi. P., 1796. P. 21.*

¹² К которой сам Ларевельер относится крайне отрицательно. *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 205, 207.*

Если приглядеться к приведенным выше названиям «партий», то складывается ощущение, что разделение депутатов проводилось на основе либо их прошлого (сторонников Дантона называли дантонистами и в 1795 году), либо реальных или приписываемых политических симпатий. Если депутат выступал, к примеру, за республиканскую Конституцию, то один мемуарист вполне мог зачислить его в «партию» умеренных конституционалистов, а другой – в республиканскую.

Я намеренно не систематизировал весь этот перечень. Разумеется, можно было бы распределить эти «фракции» в определенном порядке на некоторой шкале, например, от крайне правых до ультралевых. Но дело в том, что, по моему убеждению, такое обилие «партий» указывает... на их отсутствие. Что может лучше свидетельствовать о весьма аморфном характере этих группировок, чем то, что даже современникам не была видна четкая граница между ними?

К сожалению, не добавляет ясности и большая часть позднейшей историографии, где имеет место самый широкий разброс мнений и классификаций. Одних только республиканцев выделяют, как минимум, пять типов (причем их характерные черты, как обычно, весьма расплывчаты): умеренные, консервативные, конституционные, демократические и буржуазные. Что же касается принятого в отечественной литературе деления на «правых» и «левых» термидорианцев¹, то оно, хотя, на первый взгляд, и кажется вполне логичным, при ближайшем рассмотрении оказывается достаточно спорным, поскольку критерии, положенные в его основу, более чем туманны. Так, например, несколько неожиданным выглядит утверждение о том, что «левые термидорианцы» считали политику робеспьеристского Комитета общественного спасения недостаточно революционной»² при том, что одновременно в эту группировку зачисляется такой отнюдь не радикальный политик, как Б. Барер.

Полемизировать с подобным разнообразием мнений и классификаций тем более сложно, что большая их часть, как это ни

---

¹ См., например: *Манфред А.З.* Великая французская революция. С. 198.

² История Франции. Т. 2. С. 71-72.

печально, слабо опирается на конкретные факты и не является результатом специальных исследований. Пожалуй, лишь три историка предлагают четкое и развернутое обоснование своего мнения относительно наличия «партий» в Конвенте того периода.

Для посвященной Термидору историографии, отмечает Б. Бачко, характерны «амбивалентность и терминологическая пуганица». «Так, очень часто разделяют “термидорианцев” и “монтаньяров”, забывая о том, что последние, притом что их и без того не просто четко очертить как политическую группировку, в равной мере были и “термидорианцами” в том плане, что они отнюдь не оспаривали “революцию 9 термидора” и осуждали Робеспьера и “робеспьеризм”. Термины “левые термидорианцы” и “правые термидорианцы” кажутся более адекватными; однако они страдают от общеизвестной амбивалентности противопоставления левых и правых, которое приходится постоянно уточнять по состоянию на то или иное конкретное время. Кроме того, оно крайне редко использовалось в ту эпоху. К концу II года политический водораздел проходил по линии противопоставления якобинцев и антиякобинцев (или даже террористов и антитеррористов)»¹.

А. Лажюзан, сразу же оговаривая некоторую условность своей классификации, отмечает, что «на момент плебисцита III года можно обнаружить не четыре партии, а четыре более или менее четких течений общественной мысли (*courants d'opinion*)». Два из них – крайние: республиканские демократы и роялисты. Они настолько слабы, что волей-неволей блокируются с двумя другими, стоящими ближе к центру. Роялисты – с умеренными, а демократы, состоящие из «поредевших бывших революционеров», – «с ядром республиканской партии». Против Конституции III года выступали лишь роялисты и католики, а все остальные слились в единое умеренное крыло, поддерживаемое большинством населения страны, и образовали «республиканско-термидорианское» или «республиканско-директорианское» течение².

---

¹ Baczko B. Comment sortir de la Terreur. P. 94.

² Lajusan A. Le plebiscite de l'an III // La Révolution française. 14.I.1911. Vol. 60. № 7. P. 15-16.

Иную классификацию предлагает Ж.Р. Сюратто. С его точки зрения, ряд членов изначально существовавших в Конвенте группировок – «монтаньяры, ставшие главарями банд “золотой молодежи” и наиболее озлобившиеся жирондисты» – составили «партию» «крайних (*exagérés*) термидорианцев, поддерживавших контрреволюцию в те моменты, когда сами ее не направляли». Кроме того, существовали «консервативные термидорианцы в полном смысле этого слова, опасавшиеся контрреволюционных эксцессов, защитники национальных имуществ, не менее страшившиеся нового революционного подъема, нежели представители обеспеченной буржуазии». В их число входили некоторые «монтаньяры, равно как и жирондисты [...], антиклерикалы и расстриги. И, наконец, раскаявшиеся термидорианцы, оставшиеся верными политическим принципам II года, но не социальным мероприятиям той эпохи. Наиболее выдающиеся и наиболее искренние из них были исключены в жерминале и прериале». Однако события, непосредственно предшествовавшие выборам IV года Республики, и, прежде всего, наступление роялизма, превратили термидорианцев в сплоченный обороняющийся блок, что позволило им благополучно принять Конституцию и декреты о двух третях¹.

Таким образом, если в целом точки зрения историков столь же многообразны, как и у современников, то Лажюзан и Сюратто, по крайней мере, сходятся в том, что к концу 1795 года сложился единый блок сторонников республики и новой конституции, противостоявший союзу роялистов и клерикалов. Очевидно, однако, что этот новый блок, равно как и предыдущий, свергнувший Робеспьера, не был однородным. Поскольку ни современники, ни историки не предлагают сколько-нибудь четкого и убедительного деления депутатов на группы помимо антитезы «роялисты-республиканцы», возникает вопрос: нельзя ли каким-то образом классифицировать членов Конвента в соответствии с их взглядами и опытом прожитых лет? В этой связи весьма ценным представляется мнение Б. Бачко, полагающего, что часть из них имела весьма значимое общее прошлое – якобинские тюрьмы или жизнь изгнанников,

---

¹ *Suratteau J.-R.* Les élections de l'an IV // AHRF. 1951. № 4. P. 390-391.

постоянно опасавшихся ареста¹. Надо признать, что эта точка зрения находит весомое подтверждение в мемуарах, например, в воспоминаниях Ларевельера-Лепо о прериальских событиях². В качестве такого «объединяющего прошлого» стоит отметить и совместную работу в законодательных органах, предшествовавших Конвенту. Так, М.А. Бодо в своих заметках неоднократно подчеркивал тесные связи («*une certaine confraternité*»), которые сохраняли в Конвенте бывшие депутаты Учредительного собрания, независимо от своих политических взглядов³. В данном контексте нельзя, разумеется, не упомянуть и известную статью М. Озуф, в которой эта исследовательница блестяще показала, что термидорианцы делились на две группы – «те, в чьих интересах было забыть историю, в которой они участвовали», и, к тому же, «заставить себя ее забыть», и те, кто старался побудить коллег к сохранению общих воспоминаний⁴.

Необходимо также учитывать особенность самого понятия «партия» в эпоху Французской революции. Каждый депутат считал себя представителем Народа, претендовал на знание того, «чего хочет Народ» и соответственно голосовал в Конвенте. Но, очевидно, что у Народа не могло быть нескольких точек зрения по одному и тому же вопросу. Народ един. Исходя из этого, никакой официальной оппозиции или даже различных фракций, в современном понимании этого слова, внутри Конвента не должно было существовать по определению. Не случайно один из корреспондентов Комиссии одиннадцати называл якобинцев «фракционным меньшинством» Конвента⁵.

---

¹ *Baczko B.* Les Girondins en Thermidor // *La Gironde et les Girondins.* P., 1988. P. 59.

² *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 222. См. также мемуары Тибодо, где он пишет о различиях между вернувшимися в Конвент депутатами и теми, кто остался в нем при диктатуре монтаньяров: *Thibaudeau A.C.* Mémoires sur la Convention et le Directoire. Vol. 1. P., 1824. P. 197.

³ *Baudot M.A.* Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Genève, 1974. P. 39, 75.

⁴ *Ozouf M.* Thermidor ou le travail de l'oubli // *Ozouf M.* L'Ecole de la France. P., 1984. P. 92.

⁵ А.Н., С 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87. Также, как и Ларевельер именовал их «остатками анархистской фракции» (*Larevellière-Lépeaux L.* Op.cit. Vol. 1. P. 206), а другой современник впоследствии назовет «фракционерами» восставших в прериале.

Кроме того, ни одна из политических групп революционной эпохи не имела какого-либо организационного оформления, отличавшего партии в последующее время. Вот почему, отмечает французский исследователь М. Пертюэ, «историки до сих пор спорят, были ли партии в Конвенте»¹. Ж. Тюлар еще более категоричен: «Партий в современном смысле во время революции не существовало, имелись лишь случайные и нестабильные группировки»². И действительно, весной 1795 года ничего более определенного, чем *courants d'opinion* в Конвенте не прослеживается. Иногда депутатов объединяло общее прошлое, иногда – общее мировоззрение. Но мне так и не удалось выявить хотя бы одну четко очерченную группу, которая постоянно отстаивала бы единую точку зрения³.

Впрочем, отсутствие «партий» никоим образом не мешает попытаться проанализировать биографии депутатов, входивших в наиболее активную часть термидорианского Конвента и принимавших участие в дебатах вокруг принятия Конституции III года⁴ – едва ли не самого важного политического события 1795 года, тем более, что в них участвовали практически все видные члены Конвента⁵. И этот анализ приводит к ряду весьма любопытных выводов.

Как известно, всего, учитывая дополнительные выборы, в Конвент было избрано 898 депутатов. К концу 1795 года в живых оставалось 792, из них 681 официально входили в депутатский корпус, причем, 448 заседали без перерыва на протяжении всего

---

¹ *Pertué M. Remarques sur les listes de Conventionnels // ANRF. VII-IX.1981. № 245. P. 366.*

² *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A. Histoire et dictionnaire de la Révolution française. P., 1987. P. 1021.*

³ Попутно отметим, что если для историков, занимающихся 1792-1793 годами достаточно репрезентативным источником для выявления водораздела мнений служат результаты поименных голосований, то для эпохи Термидора их ценность резко снижается. Так, например, все, что показывает поименное голосование по вопросу об осуждении Ж.Б. Каррье, – это полное согласие среди депутатов.

⁴ Включая дискуссию по «декретам о двух третях», фактически имевших статус конституционных законов.

⁵ За исключением, пожалуй, Барраса, Фрерона и Фуше, все остальные известные термидорианцы в большей или меньшей степени приняли участие в этой дискуссии.

существования Конвента¹. В дебатах по Конституции участвовало 123 человека, включая 10 из 11 членов Комиссии одиннадцати².

Начнем с объединяющего депутатов жизненного и политического опыта. Средний возраст участвовавших в дискуссии – 42 года³. Самому молодому – Тальену – было в 1795 году 28 лет⁴, самым пожилым – А. Делейру (*Deleyre*) и П.Ж. Фору (*Faure*) – по 69. 21 человек (17,1 %) ранее избирался в Генеральные штаты, 24 (19,5 %) – в Законодательное собрание. Таким образом, большинство – почти 2/3 – работали на общенациональном уровне лишь с 1792 года.

Преобладающая дореволюционная профессия среди участников дискуссии – юристы (адвокаты парламентов, прокуроры и т.д.). Их более половины – 65 человек из 123. Далее идут чиновники – 15 (12 %), священники – 11 (8,9 %) и военные – 10 (8,1 %). Из остальных 8 (6,5 %) – торговцы, 7 (5,7 %) – врачи, по двое (1,6 %) буржуа и работавших на частных лиц, один (0,8 %) мясник, один – без определенной профессии, статус одного (А.Б.Ф. Салленгроса (*Sallengros*)) не установлен.

Определить политическую ориентацию законодателей времен Революции весьма не просто: слишком уж часто они ее радикально меняли. Хрестоматийный пример – Фуше, один из наиболее рьяных «террористов», цареубийца, а впоследствии – министр полиции и у Наполеона, и у Людовика XVIII. Однако участие депутатов в наиболее значимых событиях 1792-1795 годах оказывается в этом плане достаточно показательным.

---

¹ *Dieuleveult A. de. Mort des Conventionnels // ANRF. 1983. № 251. P. 158.*

² Под участием в дискуссии понимались *любые* выступления – от пространный доклад до краткой реплики. Не учитывалось лишь чтение текстов или иных статей Конституции и декретов членами Комиссии. Из последних только шестидесятипятилетний П.Т. Дюран-Майян ни разу не выступал в дебатах, однако он учитывался как один из непосредственных разработчиков Конституции.

³ Любопытно сравнить эту цифру с возрастными цензами, установленными новой Конституцией: 30 лет для членов Совета пятисот и министров, 40 лет для членов Совета старейшин и Директории.

⁴ В своих подсчетах я, прежде всего, опирался на: *Kuscinski A. Dictionnaire des conventionnels. Yvelines, 1973* (репринт издания 1916 года) – работу, не лишенную ошибок и недостатков, но до сих пор остающуюся наиболее полным и авторитетным биографическим исследованием депутатов Конвента.

Первым из таковых традиционно считается суд над Людовиком XVI, когда в ходе поименных голосований каждому депутату пришлось выразить свое отношение к происходившему. Наиболее радикального варианта придерживались робеспьеристы – они выступали за смертный приговор, против апелляции к народу (которая нередко рассматривалась, как способ добиться если не оправдания короля, то, по крайней мере, смягчения его участи) и против отсрочки приговора. Из будущих участников дискуссии за казнь высказались 49 человек (39,9 %), за немедленное приведение приговора в исполнение – 53 (43 %) и против обращения к народу – 59 (48 %).

На другом полюсе – депутаты, так или иначе стремившиеся спасти короля. За то, чтобы решение принимал народ, проголосовало 36 человек (29,3 %), за различные отсрочки смертного приговора¹ – 11 (9 %) (из них 4 за так называемую «поправку Майля» (*Mailhe*)), за тюремное заключение – 38 (30,9 %), за отсрочку приговора – 46 (37,4 %), за ссылку после заключения мира с европейскими державами – 29 (23,6 %).

Иными словами, почти половина политической элиты времен Термидора состояла из цареубийц, ранее тяготевших скорее к монтаньярам, нежели к жирондистам². Это же во многом заставляло депутатов весьма настороженно относиться к любым попыткам восстановления королевской власти, и Веронская декларация Людовика XVIII оправдала их опасения.

Однако результаты суда над королем – не единственное, что позволяет сделать вывод о близости тех или иных депутатов к

---

¹ Имеются в виду депутаты, обусловившие свое голосование за смертную казнь отсрочкой приговора, не дожидаясь поименного волеизъявления по этому вопросу.

² Употребляя этот привычный термин, необходимо сразу оговорить, что он видится весьма условным, поскольку жирондисты, в отличие от монтаньяров, не представляли собой хоть сколько-нибудь оформленную группировку и не стремились к солидарному голосованию. Это проявилось и на процессе Людовика XVI, когда, например, Ж.П. Бриссо голосовал за обращение к народу и за смертный приговор с отсрочкой исполнения, что теоретически позволяло спасти короля, а П.В. Верньо – за обращение к народу и смертный приговор без отсрочки, что, с большой долей вероятности, обрекало короля на казнь.

монтаньярам или же к их противникам. Пробным камнем является также отношение к вопросу о предании Марата суду весной 1793 года, в момент его конфликта с Конвентом. Однако по биографическим словарям четкая позиция прослеживается лишь у относительно небольшого числа депутатов – 42, из которых 33 (26,8 % от общего числа) выступили против Марата и лишь 9 (7,3 %) – в его защиту.

Аналогичная ситуация и с теми депутатами, кто в той или иной форме протестовал после восстания 31 мая – 2 июня 1793 года против изгнания из Конвента «жирондистов»: их всего 15 человек (12, 2 %). Добавив к этому 12 человек (9,8 %), которых историки считают жирондистами или близкими к ним, получаем 27 человек (22%). Иными словами, участники дискуссии – это, в большинстве своем, люди, голосовавшие солидарно с монтаньярами после «революции 31 мая». Этот вывод подтверждают и данные о судьбе участвовавших в дискуссии депутатов при диктатуре монтаньяров: 91 человек (74 %) не подвергались никаким репрессиям и втрое меньше, 32 (26 %), оказались в противостоянии с победителями: двадцать один депутат был арестован, еще девятерым удалось бежать и двое – член Комиссии одиннадцати Ларевельер-Лепо и Ж.А. Пеньер-Дельзор (*Pénières-Delzors*) – перестали после переворота посещать заседания Конвента.

Тем не менее, мы не увидим ни одного из участников дискуссии в составе Великих Комитетов времен диктатуры монтаньяров. Что, однако, никоим образом не говорит ни об их талантах, ни о популярности: Э.Л.А. Дюбуа-Крансе (*Dubois-Crancé*) и Ж.Ж.Р. Камбасерес входили в Комитет общей обороны, Ж.Ж. Бреар (*Bréard*) и Ж. Дебри (*Debry*) были избраны поименным голосованием в первый состав Комитета общественного спасения, сформированного в апреле 1793 года. А после Термидора в правительство входило более трети создателей Конституции: 22 человека в Комитет общественного спасения, 21 – в Комитет общей безопасности.

В то же время не вызывает сомнений, что основная масса участников дискуссии (по крайней мере, при Термидоре и Директории) – республиканцы. Всего 11 (8,9 %) из них в той или иной степени подверглись репрессиям после переворота 18 фрюктидора. Даже если добавить к этому несколько депутатов, традиционно подозре-

ваемых историками и современниками в симпатиях монархии (таких, например, как Камбасерес¹), общая картина существенно не изменится.

Биографии депутатов позволяют ответить и еще на один вопрос: в какой мере они писали Конституцию «под себя». О возрастном цензе уже упоминалось, но и без этого цифры весьма красноречивы: при Директории 112 человек (91 %) из 123 будут избраны в Законодательный корпус² (и среди них все члены Комиссии одиннадцати). Трое – Ларевельер-Лепо, Ф.А. Мерлен (из Дуэ) и Сийес станут членами Директории, шестеро – министрами.

Дальнейшая судьба создателей Конституции III года также весьма показательна: при Консульстве 35 (28,5 %) из них стали депутатами, а 53 (43 %) заняли различные посты. При Империи 17 (13,8 %) вошли в число депутатов, еще 63 (51,2 %) находились на государственной службе. 24 человека (19,5 %), получив титулы, влились в ряды дворянства Империи (тринадцать стали графами, шестеро – шевалье, трое – баронами, двое – пэрами и один – герцогом). Немногим меньше, 22 человека (17,9 %), оказались в рядах Ордена Почетного легиона. И это при том, что 10% участников дебатов и вовсе не дожили до переворота 18 брюмера.

При Реставрации карьера творцов Конституции III года была куда менее благоприятна, что, впрочем, не удивительно, если вспомнить, сколько из них голосовало за смерть Людовика XVI. 34 (27,6 %) были высланы из страны как цареубийцы и лишь Тальену разрешили остаться во Франции по причине тяжелой болезни³. Всего лишь пятеро (4 %) вошли в число законодателей, четверо (3,3 %) стали пэрами, а троих (2,4 %) мы видим среди чиновников.

Могут быть любопытны и более общие цифры: 726 депутатов Конвента (81 % от общего числа) дожили до конца Директории; 672 (75 %) – до конца Консульства; 490 (55 %) – до конца Империи; и всего 184 (21 %) – до конца Реставрации⁴. В то же время, по данным,

---

¹ *Kuscinski A. Op. cit. P. 102; Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 228.*

² И еще семеро служили режиму Директории, не будучи депутатами.

³ По крайней мере, такова официальная версия.

⁴ *Dieuleveult A. de. Op. cit. P. 161.*

приводимым Б. Бачко, 80 % членов Конвента не входили более в число законодателей и всего 6 процентов из них служили Бонапарту¹. Не имея причин сомневаться в этих цифрах, обратим внимание на то, насколько они не совпадают с приведенными выше. В отличие от основной массы депутатов, политическая элита времен Термидора не собиралась отказываться от власти.

Таким образом, в дебатах участвовала наиболее подготовленная (более 50% юристов) и наиболее активная впоследствии часть Ассамблеи. Теперь же, рассмотрев вопрос об участниках дискуссии, перейдем к хронологической стороне событий.

---

¹ *Baczko B. Thermidoriens. P. 437.*